

К ПРОБЛЕМЕ СТРУКТУРНОГО АНАЛИЗА В ИСТОРИИ

Е. М. Штаерман

Бурный рост фактических знаний, которым характеризуется современная наука, поставил исследовательскую мысль перед задачей обобщения этих знаний, составления на их основе целостных представлений об изучаемых объектах. Задача эта не ограничивается областью естествознания, она во весь рост стоит и перед исторической наукой. Вот почему в последние годы все большее внимание привлекает вопрос о возможностях и способах приложения к общественным наукам, и в частности к истории, системно-структурного анализа, поскольку такой анализ предполагает целостный подход к изучаемым объектам. В самом деле, огромная масса фактов, собранная и проанализированная в специальных, частных исследованиях и обобщенная в них на эмпирическом уровне в аспекте отдельных проблем и периодов истории отдельных стран, требует дальнейшей генерализации, выходящей за такие узкие рамки. Но для этого необходима разработка принципов типологии отдельных социальных целостностей, отсутствие которой постоянно дает о себе знать в спорах о формационной принадлежности тех или иных обществ (в первую очередь обществ докапиталистических, как древних, так и современных), об их месте в мировой истории, путях их развития, особенностях перехода к иным способам производства, или, что то же самое, о действующих в них общих и частных закономерностях. Все эти вопросы стали особенно актуальными в последнее время в связи с дискуссиями о путях дальнейшего развития стран и народов, освободившихся от колониальной зависимости. Комплекс перечисленных нами проблем непосредственно связан со сложностью исторического объяснения, интерпретации фактов, выявления законов и закономерностей, действующих на всем протяжении истории человечества, модифицирующихся на отдельных ее этапах или наблюдаемых лишь в определенных специфических условиях.

Изучение наследия основоположников марксизма-ленинизма, их подхода к обществу как целостности, их метода анализа связей между отдельными элементами, составляющими общественный организм, их оценок значения этих связей для характеристики социальных целостностей — неотложная задача, необходимый этап разработки типологии. В этом плане большой интерес представляет книга известного французского историка-марксиста М. Годелье, характеризующая марксов метод исследования капитализма¹. Прежде всего, подчеркивает Годелье, К. Маркс подходил к капитализму как к целостной системе, все элементы которой (субсистемы и структуры) взаимосвязаны определенными правилами или законами. Однако для того, чтобы выяснить общие законы, определяющие движение капиталистической системы в целом, К. Маркс не ограничился характеристикой ее элементов и связей между ними. Он проанализировал и субсистемы, составляющие капитализм, рассмотрел составляющие их элементы (структуры) и присущие им связи, вследствие

¹ M. Godelier. Rationalité et irrationalité en économie. P. 1966.

чего каждая подсистема и каждая структура предстали как определенная целостность, имеющая свои внутренние закономерности развития, выступающие как частные по отношению к общесоциологическим законам. Таким образом, исследование К. Марксом капитализма является собой как бы послойный анализ разных уровней общественной системы вплоть до рассмотрения каждой отдельной структуры как совокупности предметов (индивид, вещь, институт), связанных между собой определенными правилами (принципами комбинации, взаимоотношениями, нормами, будь то родственные отношения, технические нормы производства, юридические нормы земельного держания и т. п.). Эти правила придают социальной жизни определенный порядок, в соответствии с которым общество организует различные виды деятельности на различных уровнях или в различных подсистемах определенной системы. Каждый уровень общественной системы должен, следовательно, изучаться в связи с другими ее уровнями, но не сводиться механически к другому уровню, как это делается при упрощенном толковании причинности.

Каждый тип общества характеризуется определенными отношениями между его структурами, определенной их иерархией и значением, проявляющимися во всех аспектах социальной жизни. Они же определяют значение и результаты отдельных событий в той или иной системе. Марксизм далек от того линейного, упрощенного представления о причинности, в котором его обвиняют буржуазные ученые. К. Маркс и Ф. Энгельс всегда подчеркивали, что между событием и его следствием стоит совокупность свойств социальной структуры. Событие, действуя на один элемент структуры, действует и на нее в целом, а ее свойства сообщают событию его размеры и объясняют его эффект. Поэтому условия изменения структуры всегда особенные для каждого случая. Общих, применимых для всех случаев рецептов объяснения не существует². «Один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий, — писал К. Маркс, — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»³.

Базируясь на этих положениях марксизма, на методе «Капитала», М. Гodelье подходит к анализу экономических систем и их структур в раннеклассовых обществах — производства, распределения, потребления, — взаимосвязанных и с окружающей средой, и с иерархией потребностей общества, а значит, и с системами родства, политики и т. п. Известно, что в докапиталистических обществах экономика еще не выделилась в самостоятельную, автономную сферу. Эту мысль Гodelье связывает с известным указанием К. Маркса о необходимости не просто отмечать большую роль политических отношений в античном, а религии в феодальном мире, но вскрывать, исходя из соответственного способа производства, чем эта роль определялась⁴. Экономические структуры, пишет Гodelье, и в докапиталистических обществах являлись определяющими, но вместе с тем они тесно переплетались с неэкономическими, отличались и связи экономики с другими общественными системами, институтами и т. д. Характер этих связей определял и иерархию ценностей, в свою очередь, влиявшую на экономику, например, на употребление избыточного продукта. Поэтому наличие последнего и не вело механически к дальнейшему экономическому и социальному развитию. Марксизм-ленинизм отвергает механистическое, позитивистского толка понимание процесса со-

² Ibid., pp. 96, 241.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 354.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 92, примечание; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 92.

циального развития, требуя целостного подхода к обществу. Именно целостный подход, пишет Годелье, привел марксистов к выводу, что для каждого общества рациональность экономической деятельности состоит в приведении ее в наибольшее соответствие с функционированием как данной системы в целом, так и составляющих ее отдельных структур. Поэтому ритм развития производительных сил меняется с каждым типом общества не только в связи со свойственными ему производственными отношениями, но и со всеми его структурами. Экономический оптимум, следовательно,— лишь часть более широкого социального оптимума, общих условий сохранения и функционирования системы, когда неизбежные для ее движения противоречия имеют неантагонистический характер, то есть не нарушают связи основных ее элементов. Лишь антагонистические противоречия разрушают самую структуру общественной системы, связи между основными ее элементами, делают невозможным включение в нее новых элементов. И это означает, что возможности данной системы исчерпаны. В качестве примера Годелье приводит эволюцию первобытных обществ: постепенно в их социальных структурах исчезают старые и появляются новые функции, что изменяет и самые структуры. Так, когда развитие производства требует организации, стоящей над родовой, появляются структуры политические и религиозные, функционирующие как форма новых производственных отношений. Весь строй общества, иерархия его систем, то есть вся структура общества, изменяются: родственные связи отходят на второй план, религиозные и политические отношения становятся центральными. Координация составляющих общество систем определяет как действующую в их собственных границах причинность, так и законы, действующие в обществе в целом. Они будут одними в тех обществах, в которых отношения родственные, религиозные, политические функционируют и как производственные, и иными там, где складываются формы эксплуатации вне этих отношений, превращающихся в надстройку, то есть там, где действительно можно говорить об автономии экономики и ее действия⁵.

Мы так подробно остановились на работе М. Годелье потому, что она, как нам представляется, очень четко показывает неосновательность высказывавшихся иногда опасений, будто применение структурного анализа непременно ведет к плюрализму и, следовательно, несовместимо с марксизмом-ленинизмом. На примере этой работы видно, что структурный метод, должным образом разработанный, не только не противоречит методу К. Маркса, но, напротив, прямо соответствует его требованию избегать надисторических, универсальных теорий-отмычек. Она намекает конкретный путь к раскрытию исторической причинности не как одностороннего действия активного агента на пассивно воспринимающий его объект (против чего всегда протестовали основоположники марксизма), а как взаимодействия элементов, тенденций, обуславливающего самодвижение системы и выражающегося в тех или иных ее изменениях.

В этом плане следует обратить особое внимание на имеющие непосредственное отношение к нашей теме высказывания В. И. Ленина, еще недостаточно учитываемые и практически прилагаемые в наших исторических исследованиях. В конспекте «Науки логики» Гегеля В. И. Ленин отмечал, что «каузальность, обычно нами понимаемая, есть лишь малая частичка всемирной связи», что «каузальность есть лишь *одно* из определений универсальной связи». Универсальную же связь В. И. Ленин считал необходимым вскрывать, исходя из целостности, совокупности моментов действительности: «Развертывание всей совокупности моментов действительности NB=сущность диалектического познания». «С одной стороны,— замечал В. И. Ленин далее,— надо углубить познание материи до познания (до понятия) субстанции, чтобы найти причины явлений.

⁵ См. М. Godelier. Op. cit., pp. 92—94.

С другой стороны, действительное познание причины есть углубление познания от внешности явлений к субстанции». По поводу слов Гегеля о неправомерности попыток искать в истории «малые причины больших событий», в которых «внутренний дух событий мог бы и не нуждаться», В. И. Ленин замечает: «Этот «внутренний дух»... есть идеалистическое, мистическое, но очень глубокое указание на исторические причины событий. Гегель подводит вполне историю под каузальность и в 1 000 раз глубже и богаче понимает каузальность, чем тьма «ученых» ныне». «Движение отношения каузальности» = на деле: движение материи respective движение истории, улавливаемое, усвояемое в своей внутренней связи до той или иной степени широты и глубины...». В. И. Ленин выписывает слова Гегеля о недостаточности для «понимающего познания» взаимодействия причины и действия, являющегося ближайшей истинной отношения: если им ограничиться, то окажется невозможным установить опосредующие факторы, в чем как раз и заключается задача анализа отношений причинности. Для этого же, продолжает В. И. Ленин запись мысли Гегеля, обе стороны отношения должно признать моментами третьего, более высокого определения — понятия. Так, например, если мы будем считать нравы спартанского народа следствием его общественного строя и, наоборот, — общественный строй — порожденным этими нравами, то может быть, и получим правильный взгляд на историю спартанцев, но этот взгляд не объяснит ни общественного строя, ни нравов. Понять и то и другое — значит постигнуть обе стороны этого отношения, как и все прочие особые стороны, которые вошли в жизнь и историю спартанского народа и вытекали из того понятия, которое лежало в основе их всех. К этой записи из Гегеля В. И. Ленин добавляет: «Только «взаимодействие» = пустота. Требование посредства, (связи) вот о чем идет речь при применении отношения причинности... Все «отдельные стороны» и целое («Begriff»)»⁶.

Как мы видим, в этих мыслях В. И. Ленина подчеркивается необходимость в каждом случае проникать в самую глубину, сущность любой целостности, любой системы, не довольствуясь лежащими на поверхности каузальными связями, требование рассматривать эти связи как производные, как функцию внутреннего строения системы, ее внутренней структуры, внутренней, присущей ей необходимости. В опубликованной в журнале «Коммунист» статье «Значение ленинских идей для исследования проблемы причинности»⁷ отмечается, что необходимый или случайный характер события определяется всей совокупностью условий и что причинные связи обуславливаются структурами объектов и их взаимодействием. Статья эта построена на материале точных наук, в первую очередь физики, но ее основные теоретические положения, базирующиеся на идеях В. И. Ленина, вполне применимы и к наукам гуманитарным. На значение понятия структуры как философской категории и его роли в социальных науках, где оно эффективно применялось основоположниками марксизма-ленинизма, обратил внимание и академик П. Н. Федосеев⁸. По-видимому, было бы неправомерно отождествлять структурный анализ как особый метод исторического исследования со структурализмом — определенным направлением буржуазной методологии истории. Последний часто противопоставляется марксизму-ленинизму, его молистическому взгляду на историю, являясь несколько замаскированной формой плюрализма. Самый же метод системно-структурного анализа, используемый историком-марксистом, представляет собой последовательное воплощение принципов диалектического материализма. Вряд ли пра-

⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 29, стр. 141—147.

⁷ Г. Свечников, Значение ленинских идей для исследования проблемы причинности. «Коммунист», 1966, № 16.

⁸ См. П. Н. Федосеев. Идеи Ленина и методология современной науки. «Проблемы мира и социализма», 1967, № 4, стр. 14.

вильно и бытующее подчас противопоставление структурного анализа как якобы статического, то есть применимого лишь для изучения определенного общества в определенный момент его бытия, динамике исторического процесса, поскольку одна из основных задач структурного анализа — выявление путей, возможностей и лимитов развития любой системы, в том числе и социальной, что, несомненно, может и должно способствовать более глубокому пониманию ее динамики, хода истории в целом. Наконец, трудно согласиться с довольно распространенным мнением, будто системно-структурный метод, давно вошедший в арсенал физических и естественных наук, заимствуется историками искусственно, без учета специфики столь сложной системы, какой является общество. Действительно, явление такого рода имело место; верно и то, что методика системно-структурного анализа разработана в общественных науках (за исключением лингвистики) слабо; но все это само по себе не опровергает полезности и перспективности такой разработки. Самые же ее попытки вызваны не искусственным приспособлением методов других наук к истории, а насущными потребностями последней.

Вопрос о применении структурного метода в истории породил обширную буржуазную литературу, охарактеризовать которую сколько-нибудь полно в рамках данной статьи не представляется возможным. По признанию ряда западных ученых, отсутствие принципов, позволяющих связать своеобразие и многообразие историй отдельных народов и эпох в единую всемирную историю, является одной из основных причин крушения всех прежних, основывавшихся на значительно более узком материале буржуазных историко-философских концепций и обусловленного этим общего кризиса буржуазной историографии. Отсюда и интерес последней к системно-структурному анализу, сулящему новые возможности для сравнения и классификации тех социальных образований, которые принимаются тем или иным из ее исследователей за основные единицы всемирно-исторического процесса, — будь то нации, государства, культуры, цивилизации и т. д. Хорошо известные методологические слабости соответственных буржуазных историко-философских теорий обуславливают и недостаточную эффективность и убедительность применения их авторами структурного анализа, который, взятый сам по себе, никоим образом не может служить ключом к разрешению всех исторических проблем. В буржуазной историографии диапазон точек зрения на вопросы применения структурного метода весьма широк. Отношение к ним тех или иных авторов означает и их отношение к возможностям и задачам исторической науки: сводятся ли они к сбору и интерпретации отдельных фактов и событий, уникальных и неповторимых, или к разработке теории, основанной на общем, повторяющемся, — теории, способной не только вскрыть закономерности исторического процесса в прошлом, но и предвидеть его направление в будущем. Часть буржуазных ученых, позиции которых наиболее четко представлены одним из лидеров неопозитивизма, К. Гемпелем, исходит из того, что логика научного объяснения должна быть одинаковой и для естественных наук и для истории, а следовательно, объяснить историческое событие, или, вернее, определенный класс событий, значит показать его как результат действия предшествующих и одновременных условий и хотя бы одного эмпирически проверяемого общего закона, или теории. Другие — М. Скривен, Н. Рошер, О. Геллер — несколько модифицируют положения Гемпеля, предполагая, что действие общего закона ограничено и поэтому допускает исключения, или вообще заменяя понятие общего закона понятием частных обобщений, лимитированных временем и пространством, то есть действительных лишь при некоторых определенных условиях⁹. Но даже и в этой

⁹ «Philosophy and History». A Symposium. Ed. by Sidney Hoock. N. Y. 1963, pp. 106—123, 151; A. C. Danto. Analytical Philosophy of History. Cambridge. 1965, pp. 203—209.

форме концепция общего закона встречает многочисленные возражения со стороны буржуазных историков. Частично эти возражения основаны на отрицании исторического детерминизма, наиболее полно выраженном в приобретшей большую популярность на Западе работе И. Берлина¹⁰, частично же на отрицании возможности выявить общие законы, действующие в истории, рассматриваемой как цепь уникальных событий, вызванных столь многообразными и сложными, взаимопереплетающимися причинами, что вычленив отдельное событие для сопоставления его с другим нельзя. Странники этой точки зрения признают возможность установить причинную обусловленность и тенденцию развития, действительно лишь для одного такого события и приложимую только к нему. Однако вывод, подтвержденный одним случаем, не может считаться законом: в любом другом случае изначальные условия будут иными, а значит, иной будет и тенденция развития. Обобщения, даже лимитированные, утверждают такие ученые, занимающие крайние позиции, как К. Поппер и У. Дрей, могут объяснить наступление какого-нибудь события, но не его конкретные черты¹¹. Пытаясь же объяснить их исходя из общего закона или обобщения, не полностью к данному случаю приложимого, историк, по их мнению, неизбежно вводит какой-то новый, непредусмотренный фактор, но, не имея возможности поставить проверочный эксперимент, оказывается не в состоянии достаточно убедительно обосновать включение такого фактора. По той же причине, полагают многие буржуазные историки, исследователь не может и выявить те необходимые и достаточные условия, при которых закон вступает в силу и обуславливает рассматриваемое событие. Имея дело с уже совершившимся феноменом, историк видит лишь одну причину и считает ее необходимой, тогда как то же следствие могло бы быть вызвано и иными причинами. Считать причину необходимой и достаточной можно лишь на основании общего закона, но законы эти, с их точки зрения, не поддаются выявлению или выявляются неправильно, так как одному произвольно выбранному фактору приписывается роль причины. Получается, таким образом, заколдованный круг¹².

До крайности эти положения доводят те, кто не только отрицает существование исторических законов, но ставит под сомнение и самое причинность в сколько бы то ни было широком ее понимании (Р. Арон, А. Марру и другие). Прошлое, с их точки зрения, неисчерпаемо, а потому до конца непознаваемо и необъяснимо. Лишь некоторые исторические феномены, по их мнению, имеют нечто общее и соединяются в частично объяснимые комплексы, но и эти объяснения будут условными, вероятностными. Можно лишь констатировать известную связь двух феноменов, делать известные частичные наблюдения, притом всецело обусловленные неизбежно субъективной точкой зрения историка. История, таким образом, в этой трактовке сводится к цепи случайностей, отчасти иррациональных, отчасти обусловленных весьма ограниченной, действительной лишь для определенной комбинации факторов причинностью. Никакой доминирующей, общей для более или менее длительного периода причины, утверждает, например, А. Марру, выделить нельзя, а потому не может быть и речи об общих законах, об историческом детерминизме¹³.

¹⁰ I. Berlin. *Historical Inevitability*. L. 1954; cp. E. Carr. *What is History*. L. 1964. p. 100.

¹¹ K. Popper. *Misère de l'historicisme*. P. 1956, pp. 110, 122—128; W. Dray. *Philosophy of History*. N. Y. 1964, pp. 5—16, 62.

¹² См. W. Gallie. *Philosophy and the Historical Understanding*. N. Y. 1964, pp. 105—106; E. Ryding. *The Concept Cause as Used in Historical Explanation*. N. Y. 1965, pp. 5—7, 23, 42, 44; M. Cohen. *The Meaning of Human History*. Illinois. 1961, pp. 112—114, 225.

¹³ H. Marrou. *De la connaissance historique*. P. 1954, pp. 168, 170—177, 180; R. Aron. *Introduction to the Philosophy of History*. Boston. 1962, pp. 16—17, 225, 238—259, 264.

Объяснению, исходящему из общих законов или частных закономерностей, Р. Арон, А. Марру, К. Поппер и другие противопоставляют иные методы, по их мнению, более соответствующие характеру исторической науки (призванной заниматься уникальными событиями) и характеру исторического познания (которое они не признают объективным). Так, К. Поппер предлагает исходить из логики «исторической ситуации», подсказывавшей необходимость тех или иных действий людей под влиянием социальных движений, институтов, идей, традиций, какими они представляются историку, выводы и гипотезы которого не могут быть проверены, ибо это всегда лишь субъективные интерпретации, имеющие равное право на существование с иными¹⁴. Значительной популярностью пользуется выдвинутое в свое время еще Р. Коллингвудом положение, согласно которому история есть история мысли, а потому объяснить какое-нибудь событие — значит, мысленно воспроизводя его, понять побуждения, мотивы, мысли его участников. Е. Ридинг, например, считает, что такая процедура, если она проделана достаточно осторожно, может заменить историку эксперимент¹⁵. Метод «рационального объяснения» был наиболее полно развит У. Дреем, утверждавшим, что объяснить событие — значит наиболее полно его описать с учетом воли, разума, побуждений действующих лиц в той мере, в какой они выражены в событии и в какой их может понять «вживающийся» в ситуацию историк.

Такие методы, конечно, полностью исключают познание исторических закономерностей. Но даже многие из тех буржуазных историков, кто признает последние, решительно отмежевываются от монистической трактовки исторического детерминизма. В этом смысле очень характерна позиция М. Уайта. Не считая невозможным историческое объяснение, исходящее из закономерностей и основанное на выявлении необходимых и достаточных причин события, он вместе с тем всячески подчеркивает, что подобные закономерности отнюдь не идентичны тем объективным законам истории, которые формулируются «спекулятивной философией», стоящей на монистических позициях. «Аналитическая философия», к сторонникам которой причисляет себя М. Уайт, противопоставляет монизму плюралистскую трактовку причинности «как таковой», включающую поиск необходимых и достаточных условий, повторяемости и закономерностей (хотя и частных), действительных для аналогичных исторических событий¹⁶.

Таковы, говоря весьма суммарно, основные направления в трактовке исторической причинности, господствующие в буржуазной историографии. При этом надо заметить, что принципы конкретного применения тех или иных методов разработаны весьма недостаточно, и нельзя не согласиться с У. Галли, когда он пишет, что большинство современных западных работ по историческому объяснению представляет собой упреждения в прикладной логике: они исходят из общего представления об объяснении и так или иначе применяют его к объяснению историческому, показывая, в какой мере оно отстает от обычных моделей, — что мало дает для понимания его природы и методов приложения¹⁷. Упомянутые точки зрения, по существу, отрицают самую возможность истории как науки, оправдывая то чисто эмпирическое направление в исторических исследованиях, которое, по словам того же А. Марру и многих других, превратило историю из «наставницы жизни», какой она была некогда, в достойное сравнительно небольшой группы профессионалов.

Именно отсюда и вытекает для тех буржуазных историков, кому дороги судьбы науки, необходимость поиска новых путей выявления ис-

¹⁴ К. Popper. Op. cit., pp. 147—149.

¹⁵ См. E. Ryding. Op. cit., pp. 63—79.

¹⁶ M. White. Foundations of Historical Knowledge. N. Y.—L. 1965, pp. 16, 28, 35, 181.

¹⁷ См. W. Gallie. Op. cit., pp. 10—19.

торических закономерностей, в частности методом структурного анализа социальных целостностей. Так, например, Р. Браун, рассмотрев существующие методы объяснения в гуманитарных науках, приходит к выводу, что ни один из них не является исчерпывающим, так как не приводит к выработке теории. Важным шагом на пути к ее созданию он считает выработку методологии сравнения путей развития институтов, явлений и т. п. в рамках соответствующих социальных систем, что поможет установить управляющие этими системами законы¹⁸. Самым правильным методом объяснения социального феномена, по мнению А. Тойнби, является установление его места в большой социальной системе, понять которую возможно лишь путем сравнительного изучения ее структуры и протекающих в этой структуре процессов и структур процессов, протекающих в других системах¹⁹. Из этого положения так или иначе исходят все буржуазные сторонники сравнительного изучения культур, или цивилизаций. Одни из них при этом пользуются методом индуктивным, или синтетическим, состоящим в выделении известного числа общих разным системам элементов и их взаимосвязей, из которых конструируются типовые модели, подчиняющиеся определенным правилам, закономерностям, законам. Другие используют дедуктивный, или аналитический, метод, исходящий из понятия исторической целостности, отличной от суммы составляющих ее элементов и логически и исторически этим элементам предшествующей. Поэтому свойства такой целостности не могут быть выведены из суммы свойств элементов; они познаются путем перехода от целостных структур к их составляющим методом анализа, дедукции с последующей проверкой результатов новым, более полным синтезом. И здесь мы встречаемся с весьма слабой разработкой конкретного приложения этих методов, хотя необходимость их использования для установления как общих закономерностей, так и интерпретации исторических феноменов признается все большим кругом зарубежных историков²⁰.

Каузальной интерпретации в буржуазной историографии зачастую противопоставляется объяснение методом структурного анализа. Оно рассматривается как более гибкое, дающее больше простора для частного, случайного и вместе с тем, в отличие от индетерминизма, намечающее определенные рамки, лимиты, функционирования и развития системы, что дает возможность выявить действующие в ней закономерности²¹. Такое противопоставление по самому существу своему является ложным, ибо и структурные связи (будь то генетические, функциональные или другие) в конечном счете являются связями причинными (если, конечно, не сводить причинность к поверхностной каузальной цепочке). Именно вследствие этого каузальный анализ лишь обогащается применением структурного метода: установление структуры, характеризующей все сферы жизни общества, позволяет усматривать их единство за всем видимым многообразием; дает возможность каждое явление исследовать в его контексте, с очевидностью устанавливая, как оно влияет на иные явления, происходящие в других сферах, и как само испытывает влияние этих явлений; способствует установлению того, какое место занимают те или иные факторы во всей иерархии элементов структуры, как они движутся во взаимной связи, а не под действием лишь какой-либо одной причины. В качестве примера слабости структурного анализа часто приводятся работы французского ученого Ж. Дюмезиля, пытавшегося объяснить ряд социальных и религиозных институ-

¹⁸ R. Brown. *Explanation in Social Science*. Chicago. 1964, pp. 190—193.

¹⁹ A. Toynbee. *A Study of History*. Vol. XII. Oxford. 1961, pp. 27, 165, 167.

²⁰ См. O. Anderle. *Die Geschichtswissenschaft in der Krise*. «Festgabe Lortz». Vol. II. Baden-Baden. 1958; J. Vogt. *Geschichte des Altertums und Universalgeschichte*. Wiesbaden. 1957, S. 30.

²¹ См., например, «The Problems of Civilisations». Reports of the First Synopsis Conference of the S.I.E.C.C.. Ed. by O. Anderle. L.—P., pp. 135—139, 376—379.

тов Индии, Греции и Рима исходя из предполагаемой им троичной структуры миропонимания индоевропейских народов, отразившейся в их взглядах на космос, общество, государство, религию²². Как раз последний пример показывает, что основу структуры, формирующий ее фактор, структурообразующий элемент, буржуазные теоретики чаще всего ищут в сфере сознания. Особенно характерно это для всех направлений, исходящих из сравнительного изучения культур (о чем подробнее будет сказано далее). Однако это не доказывает порочности метода как такового, к которому с совсем иных позиций обращаются марксисты.

Марксистский подход открывает широкие пути для исследования соотношения и взаимодействия всех составляющих общество систем. Однако в силу неразработанности конкретного приложения к истории общих принципов структурного метода он таит в себе большие трудности. Первая состоит в отыскании структурообразующего элемента, то есть фактора, определяющего структуру каждой данной социальной системы. Как мы уже отмечали, многие буржуазные теоретики ищут его в духовной сфере — системе истин, ценностей, мировосприятия, которые, играя определенную роль в анализе систем духовной культуры и ее компонентов, не могут дать сколько-нибудь удовлетворительного объяснения взаимосвязи социально-экономической структуры общества с его духовной культурой²³. С нашей точки зрения, структурообразующим элементом являются производственные отношения, и в первую очередь формы собственности. В этом нас укрепляет известное определение, данное К. Марксом экономической структуре общества как совокупности производственных отношений, юридическим выражением которых являются отношения собственности²⁴. Но здесь возникают вопросы: полностью ли эти отношения детерминируют структуру, или они могут порождать различно структурированные системы? Как быть с обществами, в которых существуют различные структуры, причем ни одну из них нельзя считать определяющей (как это было, например, в поздней Римской империи)? На первый вопрос ответ, видимо, может быть только утвердительным: определенные формы собственности обуславливают или отсутствие эксплуатации, или определенную ее форму, то есть ту форму присвоения прибавочного продукта, которая, по словам К. Маркса, отличает экономическую формацию общества, а значит, и всю его структуру, хотя всегда возможно сохранение в том же обществе остатков или появление зародышей других форм собственности и соответствующих им отношений. Второй вопрос значительно сложнее, почему нередко и высказывалось мнение, что системно-структурный подход возможен лишь для простых (гомогенных) обществ, а не для сложных (гетерогенных). Однако думается, что трудность эта не непреодолима. Гетерогенные общества состоят из многих сложных систем, и выявление их структур и структуры всей системы в целом может в той или иной мере помочь установить, какие связи более, а какие менее перспективны, обязательны для функционирования и развития общества, его возможного перехода к иным, более определенным, более стойким, более высоким структурам.

Трудность состоит и в выявлении характера связей той или иной структуры, так как именно этот характер определяет ее специфику: элементы могут быть общи многим системам (например, почти во всех капиталистических обществах мы найдем элементы и рабства, и наемного труда, и разные формы поземельной и личной зависимости), но характер их связи с другими элементами и системой в целом будет различен, а значит, различны будут и структуры. Типы связей, формы взаимодействия (например, связи притяжения и отталкивания) элементов и систем

²² J. Dumézil. Les dieux des indoeuropéens. P. 1952.

²³ Более подробно об этом см. обзор: «Проблемы культуры в западной социологии». «Вопросы философии», 1967, № 1.

²⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 13, стр. 7.

разработаны для физических и биологических наук²⁵, но не для истории. М. А. Барг предложил выделять связи функциональные (обуславливающие функционирование системы), генетические и трансформационные (характеризующие ее прошлые и будущие состояния)²⁶. Такой путь весьма важен, но и он не предусматривает выделения тех связей, которые определяют специфику той или иной конкретной системы. Здесь, думается, возможен двойной подход. С одной стороны, допустимо говорить о связях, их комбинации, равновесии, преобладании внутри одной системы или между системами; связях, определяющих характер системы, ее тип, особенности. Таковы, например, будут связи экономические и политические (условно включая в последние и прямое внеэкономическое принуждение) между собственником средств производства и непосредственным производителем; между отдельными производственными ячейками и сферами производства; между социальными группами, государством и гражданами. Связи эти могут быть также комбинированными, и в их сочетании может преобладать тот или другой тип. Такой комбинированной, например, в античном мире будет связь господина с рабом, арендующим землю или мастерскую; патрона с отпущенником, обязанным повинностями; античного города-государства, которое как верховный собственник земли было важным элементом производственных отношений. Характер связей может варьироваться в рамках одной системы под влиянием как внешних, так и внутренних факторов, новых элементов; например, в античности развитие товарно-денежных отношений вело к усилению экономической составляющей связей. Но изменения эти возможны лишь до известного предела: когда он перейден, структура деформируется и затем разрушается. Такие характерные связи и их комбинации можно пытаться выделить в любой системе, входящей в то или иное социальное целое. Если взять, например, систему науки, то можно говорить о связях мировоззренческих, познавательных — практических, и их комбинации. В античной науке наиболее сильны были мировоззренческие связи, что определило ведущую роль философии и вытеснение науки богословием на том этапе, на котором это стало в большей мере отвечать новому мировоззрению.

Но чем же обуславливается общее соответствие друг другу отдельных систем, составляющих общество, то соответствие, в результате которого любая сфера данного общества будет иметь общие черты с другими его сферами, как, скажем, любой горизонтальный срез цилиндра будет содержать кривые, а любой срез призмы — прямые линии? Видимо, это соответствие обуславливается вторым аспектом характера связей, зависящим от структурообразующего элемента системы и проявляющимся во всех ее компонентах. Условно эти связи можно определить как коллективистические и индивидуалистические, вступающие в разные комбинации. В античном мире мы как раз находим такую комбинацию коллективного и индивидуального характера связей, проникающую, так сказать, снизу доверху, от античной формы собственности, определяемой единством и взаимообусловленностью частной и коллективной, государственной собственности, до религии, в которой обязательное отправление утвержденного гражданским коллективом культа сочеталось с полнейшим индивидуальным свободомыслием, вплоть до атеизма. Но и в этом случае характер связей определял лимиты сохранения структуры. При колебаниях между коллективизмом и индивидуализмом полное вытеснение одного другим с античной структурой было несовместимо. В какой мере можно считать, что тип связей, действующий в отдельных субсистемах, обусловлен типом связей системы в целом? По-видимому, такая

²⁵ См., например, сборник «Проблемы структуры в научном познании». Саратов. 1965, стр. 83, 86.

²⁶ М. А. Барг. Структурный анализ в историческом исследовании. «Вопросы философии», 1964, № 10, стр. 86—87.

зависимость есть. В нашем примере двойственный характер связей, пронизывающий всю систему, сказывается и в двойственности более частных, конкретных связей отдельных subsystem, например, в двойственности тех же экономических и политических связей, не сливающихся полностью, как это имело место в обществах, основанных на общинной собственности, и полностью не разъединяющихся, как это происходит в обществах, основанных на полной частной собственности, где экономика становится автономной. При этом для обоих типов связей между общим и частным, конкретным существует примерно аналогичный предел изменений, с переходом которого деформируется и разрушается вся структура.

Попытаемся теперь разобрать, что могут дать нам понятия «система» и «структура» для исторического объяснения. Во-первых, эти понятия определяют место и значение отдельных элементов в разных системах и тем, с одной стороны, дают возможность производить их сравнение, а с другой — исключают модернизацию, или перенесение закономерностей одной системы на другую. Так, например, элемент рабовладельческой системы, или, вернее, микросистема «господин-раб» (если брать раба в «классическом» понимании этого термина, как непосредственного производителя, лишённого средств производства, юридических и гражданских прав и составляющего абсолютную, неограниченную собственность своего владельца), всегда определяется связью непосредственного принуждения и насилия первого над вторым. Отсюда то общее, что имеется в таких отношениях, где бы они ни возникали. Но эта микросистема, оказавшись включённой в структуры других систем в качестве элемента, приобретает иное значение. Если в такой системе преобладают коллективные, общинные связи, отсутствуют в более или менее развитой форме такие элементы, как общественное разделение труда и товарность хозяйства, элемент «господин-раб» не является необходимым и не оказывает значительного влияния на всю структуру, положение же раба определяется различными конкретными причинами. В системе капитализма (например, в США), при наличии капиталистического мирового рынка, когда рабовладелец играет ту же роль, что капиталистический предприниматель, то есть стремится к непрерывному расширению производства и ускорению оборачиваемости капитала, элемент этот не является необходимым и более или менее быстро себя изживает, эксплуатация же раба является наиболее жестокой и ничем не ограниченной, так как раб здесь, говоря словами К. Маркса, является постоянным капиталом, то есть подобен машине, заменяемой по мере износа и старения другой, более совершенной и новой; и раб же создает меновую стоимость, конкурирующую на мировом рынке с меновой стоимостью свободного рабочего. В античном мире вследствие специфики античной формы собственности, исключавшей возможность широкой эксплуатации сограждан в какой бы то ни было форме, раб был необходимым элементом, и рабство, развиваясь вместе с развитием товарно-денежных отношений, оказывало огромное влияние на всю систему. Прибавочный труд раба в отличие от прибавочной стоимости присваивался в стабильной форме дохода²⁷, так как производство было рассчитано на воспроизводство старых отношений, на увеличение, по словам К. Маркса, потребительной, а не меновой стоимости. В соответствии с двойственным характером связей, присущих античной форме собственности, доход, извлекаемый из труда рабов, распределялся между удовлетво-

²⁷ Термин «доход» здесь применен условно, в отличие от ренты и прибавочной стоимости, поскольку соответственного термина для формы присвоения прибавочного труда рабов в нашей науке нет. Доход (от земли, ремесла, торговли, ростовщичества) был термином, наиболее привычным античной экономической мысли для обозначения процентов на вложенные в дело средства. Доход, извлекавшийся из труда рабов, рассматривался в контексте иных возможных доходов подобного рода.

нием потребностей рабовладельца (как личных, так и вызываемых развитием товарно-денежных отношений) и потребностей всего гражданского коллектива (общественные работы, военные нужды, раздачи и т. п.). Отсюда непосредственная заинтересованность всего коллектива граждан в доходности отдельных хозяйств, законы, позволявшие отобрать земельный участок у не обрабатывавшего его владельца, ограничивавшие расходы на роскошь и т. п.; отсюда и общественное мнение, требовавшее, чтобы хороший гражданин был и рачительным хозяином и прилежным земледельцем. Поскольку же удовлетворительное физическое, а впоследствии и нравственное состояние рабов единодушно признавалось важнейшим условием процветания хозяйства, чрезмерная жестокость к рабам и дурное с ними обращение осуждались, ограничивались религией, общественным мнением, а по мере развития рабства — законом. Любопытно, что, по-видимому, произвол господ был наименее ограничен в эпоху Римской республики в Сицилии, из которой и дошли все обычно приводящиеся в общих курсах сведения об ужасном положении рабов. Между тем именно о Сицилии того времени К. Маркс говорил, что она единственная в античном мире может до некоторой степени сравниться с капиталистической страной, поскольку должна была отдавать часть своего зерна в виде подати Риму, почему земледелие имело там целью экспорт²⁸. И именно вследствие того, что структура сицилийской экономики приближалась к структурам рабовладельческих областей капиталистического мира, элемент «господий-раб» занимал в ней аналогичное место. В других же случаях судить о нем, как это подчас делается по аналогии с рабством нового времени, неправомерно.

Объяснение, исходящее из структурных связей, может значительно расширить наши представления об изучаемых объектах. Так, например, в литературе неоднократно обсуждался вопрос, почему в античном мире не произошел промышленный переворот, хотя там имели место обезземеливание крестьян, концентрация средств производства, а наука уже достаточно близко подошла к созданию машин (было известно действие пара, конструировались различные автоматы и т. п.). На этот вопрос даются примерно следующие ответы: машины были несовместимы с рабством, так как не заинтересованный в труде раб не стал бы достаточно тщательно ими пользоваться; машины были ненужны, так как рабский труд был достаточно дешев, чтобы расширять производство за счет увеличения числа рабов и интенсификации их эксплуатации, а не за счет технических усовершенствований; техническое творчество не развивалось из-за презрения свободных к труду и практической деятельности; общий стиль античной цивилизации, ее «культурный климат» не благоприятствовали развитию техники.

Во всех этих объяснениях есть большая или меньшая доля истины, но каждое из них может быть оспорено. «Культурный климат» сам нуждается в объяснении. Презрение высших классов к труду и практической деятельности характерно и для феодального общества, что не помешало зарождению промышленности в его недрах. Что же касается производящих классов античного мира, включая и часть интеллигенции, то они труд, в том числе и простой физический, высоко ценили и уважали (в этом плане особенно характерны мысли знаменитого врача Галена, противопоставлявшего образованных, искусных ученых и ремесленников бездельникам, а хорошо знающего свое дело и стоящего десять тысяч драхм раба — ничего не умеющему и не стоящему и одной драхмы господину). Весьма относительно и представление о дешевизне рабского труда. Дешевы рабы были лишь в отдельные периоды массовых распродаж пленных, в остальное же время цены на рабов, особенно квалифицированных, были очень высоки, и вряд ли можно дока-

²⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 350.

зять, что на покупку и содержание квалифицированного раба шло меньше средств, чем на заработную плату рабочим времен промышленного переворота. Кроме того, в источниках мы найдем немало свидетельств тому, что и в Греции и в Риме значительные слои общества были против чрезмерного возрастания количества рабов и массового применения их труда; они, конечно, должны были бы приветствовать сокращение числа рабов за счет машин. Наиболее убедительно соображение о незаинтересованности рабов в труде, опирающееся, в частности, на практику рабовладельческих плантаций США. Но здесь надо учитывать несколько иное положение в античности. Во-первых, работали здесь не только рабы, но и свободные, в росте производительности труда заинтересованные. Во-вторых, очень рано в ремесле, а затем и в земледелии развилась практика сдачи рабам в аренду мастерских и земельных участков, в возрастании доходности которых, а значит, и производительности труда такие рабы были весьма заинтересованы. Таким образом, исходя из микросистемы «господин-раб», мы окончательного ответа на поставленный вопрос не получим.

Дело несколько меняется, если подойти к вопросу под углом зрения всей системы. Функционирование античного города-государства — экономического, социального и политического воплощения античной формы собственности — предполагало воспроизводство связей этой системы, то есть двойственную, экономическую и политическую связь гражданина и гражданского коллектива — государства. Характер этих связей налагал определенные обязательства как на отдельного гражданина, так и на государство, которое должно было всеми возможными способами (война за захват новых территорий и материальных ценностей для наделения неимущих, колонизация, земельный максимум, регулирование цен, налоги на богатых, непосредственные раздачи бедноте и оплата государством занятых на предпринимаемых им работах) поддерживать относительное экономическое равенство граждан или хотя бы обеспечить им прожиточный минимум. В противном случае экономическая составляющая этой связи выпала бы, что привело бы к изменению всей структуры. Развитие изначально присущего системе элемента — товарно-денежных отношений — усилило значение экономических связей между различными ее компонентами: между двумя основными секторами производства — земледелием и ремеслом; между владельцами земель и арендаторами или наемными работниками; между рабовладельцами и частью рабов; патронами и отпущенниками и т. д. Процесс этот оказывал огромное влияние на все сферы жизни, на все отношения, в том числе и на расслоение самого гражданства, но уничтожить основные для системы связи он не мог, а следовательно, не могло произойти и полное разделение экономических и политических связей, при котором только и возможно стало бы превращение государства в надстройку в чистом виде и мог осуществиться «промышленный переворот», неизбежно приводящий, когда он совершается в условиях частной собственности на средства производства, не только к вытеснению части граждан из производства (тот же результат имело и развитие рабства), но и к лишению их даже минимума средств к существованию, превращению в объект ничем не ограниченной эксплуатации со стороны своих же сограждан, в товар. Как такого рода возможность преломлялась в сознании предшественника античного государства, ярко видно на примере известного анекдота об императоре Веспасиане, который, когда один изобретатель предложил ему машину для переноски тяжелых колонн и блоков, использовавшихся на восстановлении Капитолия, изобретателя наградил, но от машины отказался, так как применение ее лишило бы заработка простой народ, занятый на строительстве.

Именно поэтому, очевидно, в античном мире было сделано очень много для совершенствования качества и разнообразия продукции земледе-

лия и ремесла (то есть в направлении увеличения их потребительной стоимости) и очень мало для повышения производительности (то есть в направлении увеличения меновой стоимости)²⁹. Первая цель достигалась накоплением опыта, прогрессирующим усилением специализации и соответственным повышением квалификации работников, применением кооперации и совершенствованием организации труда, то есть методами, не предполагавшими вытеснения рабочей силы из производства. Развитие этих методов лимитировалось незаинтересованностью рабов в труде, недоверчивым, настороженным отношением господ к особо инициативным, умелым рабам и простым людям (отсюда известный афоризм: «Вредно и опасно низкопоставленному превосходить других в искусстве»), производственными и политическими затруднениями, возникавшими при попытках организовать крупное производство, основанное на рабском труде; развитие этих методов лимитировалось малой емкостью рынка, то есть условиями, которые в той или иной мере можно найти и в других обществах, основанных на простом товаропроизводстве с большим удельным весом подневольного труда. Вторая цель могла бы быть достигнута лишь за счет резкого повышения производительности труда, в частности путем значительного усовершенствования орудий производства, введения машин, но она лимитировалась всей структурой античного мира. Одного указания на незаинтересованность в труде рабов здесь будет мало; структурные связи показывают нам зависимость развития производства от характера всей социальной системы.

Структурные связи представляются перспективными и для анализа соотношения способа производства и духовной культуры. Объяснение, например, изменений в античной философии или религии одними лишь потребностями рабовладельческого хозяйства, примитивно и неубедительно. По-видимому, исходить следует из функции надстроечных систем в обеспечении деятельности всей системы в целом, из характера определяющих связей последней. Так, например, в античном мире вся система была рассчитана на воспроизводство старых отношений, что обуславливало апелляцию к «старине», «нравам предков» и т. д. Прогресс, изменения вызывали постоянное напряжение, маскировку нового под старое. Системы ценностей, призванные играть консервирующую роль, долго сохранялись внешне неизменными, хотя фактическое содержание их менялось. Так в античности воспроизводство отношений полиса обуславливало его первенствующее место в иерархии ценностей. Отсюда и первенствующее место проблемы «наилучшего государства», наиболее способного удовлетворять материальные и духовные запросы граждан, государства, составлявшего «совершенную гармонию космоса», познание которого составляло основную цель философии и подкрепляло философские обобщения науки, соответственно занимавшей иное место в иерархии систем античной культуры, чем в современной. Отсюда же вся шкала гражданских добродетелей и идеал гармонически развитого гражданина, способного одинаково хорошо служить государству в любых сферах его жизни, и взгляд на религию как силу, цементирующую весь гражданский коллектив и отдельные его институты, почему роль религии как формы общественных отношений в античности и выступала и осознавалась особенно ярко. Здесь религия не вступала в противоречие с другими системами, не претендовала на монополию и даже первенство, на роль носителя высшей санкции, так как таковая принадлежала государству. Функция духовной культуры определяла ее элементы, характер связей. Двойственность последних сказывалась в соотношении коллективного и индивидуального, в их взаимообусловленности. Взаимообусловленной была личная свобода и свобода граждан, личные и коллективные ценности. «Личное суждение», приговор собственной совести не

²⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 377—378.

противопоставлялись суждению коллективному, так как обязанности человека совпадали с обязанностями гражданина. Он мог ошибиться в выборе пути, претерпеть кару, изгнание, но это не накладывало на него бесчестья, если он действительно стремился служить интересам сограждан, а не своим собственным. Только последнее покрывало его позором. Поэтому античный герой — всегда слуга какого-то коллектива, но никогда не стоящий вне его «сверхчеловек». Отсюда, между прочим, взгляд на преступление и искупление не как на грех, конфликт с собственной совестью, а как на нарушение коллективных ценностей и примирение с ними тем или иным путем. Этим объясняется, кстати сказать, отсутствие в античности, несмотря на способность ряда ее писателей к глубокому проникновению в человеческую психологию, психологического романа, построенного на внутреннем конфликте, и первенствующая роль истории в греко-римской литературе, где героем выступают или гражданский коллектив в целом, или отдельные его сочлены, воплощающие его ценностные суждения о добродетели и пороке, причем и те и другие проявляются во внешних конфликтах, для которых внутренние переживания служат лишь фоном: герой подавляет или не подавляет личный интерес, приходящий в противоречие с общественным. Ту же двойственность связей можно заметить в любой сфере культуры. В искусстве она проявлялась в форме трактовки единичного как выражения всеобщего; в религии, философии, политических взглядах — в форме равноправия личных убеждений государственных установлений, свободы первых при соблюдении должного уважения ко вторым, что исключало не только конфликт личного и общественного, но и борьбу за свободу (в том понимании этого термина, которое сложилось в период борьбы буржуазии с абсолютистским государством и церковью) и, напротив, предполагало борьбу за максимальное распространение гражданских прав, за приобщение к предоставляемой ими свободе.

Несмотря на консервативный характер культуры того времени, структура ее постепенно изменялась, приспособляясь к реально шедшим изменениям во всей общественной системе. Но такое приспособление также не могло быть бесконечным. В какой-то момент она деформировалась и разрушалась. Так, Август, придя к власти, пытался под лозунгом восстановления республики и «нравов предков» приспособить старую структуру римской идеологии и культуры к новым элементам, важнейшим из которых был сам император, заменить «правление народа» правлением императора, которому народ якобы передал свое суверенное положение в государстве, свое «величество». Но эта подмена подрывала старый характер связей, резко уменьшая в них значение коллективной составляющей: сам император стоял над коллективом, а отношение к нему подданных было гораздо более индивидуально, лично, чем отношение гражданина к городу-государству. Это новое отношение нашло свое выражение в императорском культе, что постепенно привело к изменению иерархии культурных систем: во главе их стояли уже не история и философия, ищущие идеального государства как органической составляющей «идеального космоса», а религия, связывавшая императоров с богами, подданных с императорами. Государство и религия все более срастались, неповиновение императору становилось уже не только государственным преступлением, но и святотатством. Равновесие коллективного и индивидуального все более нарушалось в пользу последнего, что имело следствием возникновение конфликтов между тем и другим, постепенное, хотя и неполное, развитие «личного суждения», понятия личной свободы, личной веры, совести, греха, то есть элементов, со старой структурой уже несовместимых. Возможности этой структуры оказываются исчерпанными. Стимул служения ее ценностям, а следовательно, и стимул к творчеству исчезал. Развитие сменилось стабилизацией, стабилизация — регрессом, когда с особенной нагляд-

ностью выступила непригодность старых ценностей, оказавшихся в резком противоречии с действительностью, что вызвало против них острый протест. Однако такой протест против старых ценностей, пока существовала породившая их структура, оставался в ее рамках. Если в эпоху города-государства, когда иерархию культурных систем возглавляла социальная и политическая философия, борьба шла вокруг политических и социальных проблем, то при империи, когда ведущее место заняла религия, полем боя становились вопросы религиозные. На основе религии сперва отрицались все старые ценности, а затем начали создаваться новые, становившиеся структурообразующим элементом новых систем духовной культуры.

Таким образом, структура духовной культуры, определяющаяся в конечном счете структурой всего общества, в свою очередь, определяет, какую форму принимают социальные конфликты. Их реальные проявления, например, в той же Римской империи — различные религиозные и религиозно-философские течения внутри и вне христианства — могли быть весьма различны, окончательная победа того или иного направления могла объясняться множеством конкретных причин, но общий характер их был детерминирован структурой системы, иерархией и связями ее subsystem. На этом примере, пожалуй, особенно наглядно видны преимущества структурного анализа. Изолированное объяснение, скажем, причин того, почему христианство оказалось сильнее митраизма или ортодоксальное христианство — гностицизма, возможно. Но оно не вскроет той закономерности, в силу которой классовая борьба в Римской империи чем дальше, тем больше принимала форму борьбы религиозной. Изолированное от всей системы объяснение этого факта, ограничивающееся рамками данной subsystem, приведет в качестве причин разочарование низших классов в политической борьбе после подавления восстаний рабов и бедноты в конце республики, поиски религиозного утешения вследствие тяжелых условий жизни, репрессии правительства, то есть даст лишь частичное объяснение, к тому же часто и недостаточно убедительное: тяжело жилось беднякам и рабам и в прошлые эпохи истории античного мира, репрессии не остановили ни распространения христианства, ни позднее — различных еретических движений и т. д. Структурные же связи, не объясняя каждого отдельного конкретного факта, дают возможность установить известные общие закономерности данного этапа исторического развития в данной стране, в рамках которых следует искать место и значение отдельных феноменов, процессов в той или иной социальной целостности и соответственно их оценивать (например, религиозные движения могут быть реакционным фактором в одной и прогрессивным — в другой системе).

Наконец, характер связей, структура, может в определенной степени дать представление и о движении системы в целом. Так, двойственность связей античной формы собственности с самого начала ее существования предполагала известный уровень товарности хозяйства, неизбежного спутника частной собственности. Товарность же закономерно приводила к имущественному расслоению. Но экономическое равенство граждан составляло необходимое условие равновесия системы. Отсюда функция войны как источника приобретения земли и материальных ценностей (а отнюдь не одних только рабов, как это часто предполагалось) для наделения неимущих. Связи города-государства с внешней средой в это время можно определить как связи отталкивания. Война до известной степени восстанавливала равновесие системы, но вместе с тем вела к дальнейшему социальному расслоению, росту товарности и роли рабства, а значит, и к росту потребностей, как частных, так и коллективных, которые, как мы уже пытались показать выше, за счет расширенного воспроизводства в рамках данной системы удовлетворены быть не могли и удовлетворялись все новым притоком материальных ценностей извне.

Вместе с тем война приводила к включению города-государства (как победителя или побежденного) в новую, гораздо более сложную суперсистему, в которой он становился одним из элементов наряду с другими, обладающими своими, иными структурами. В Римской империи это были такие элементы, как общины различных типов, как экзимирированное магнатское землевладение с земледельцами, находившимися на разных ступенях зависимости. В этих новых условиях, с одной стороны, стало возможным многократное воспроизведение городских структур в многочисленных новых городах, что способствовало укреплению данной системы; но, с другой стороны, развивались новые связи империи с бывшей внешней средой. Это были уже не только связи отталкивания, но и связи притяжения, политического и экономического (при первоначальном укреплении вторых) как между системами, так и внутри каждой из них, особенно внутри города. Однако, как мы уже отмечали выше, полная победа экономических связей в данной системе была невозможна, а слишком значительное их преобладание деформировало и переобременяло всю структуру. Как указывал К. Маркс, приводя как раз в пример Римскую империю, при недостаточно развитой производительной силе общественного труда полная замена натурального хозяйства денежным не представляется возможной³⁰; усиление же экономических связей именно и предполагало переход к денежному хозяйству.

Трансформировались и политические связи, характерные для независимого города-государства. Все большее количество отпущенников и рабов становилось подданными не только своих господ, но и императора, членами не только отдельных семей, но и всего государства, с которым теперь эти фамилии были связаны гораздо теснее, чем в самостоятельном полисе. С другой стороны, внешняя среда, став теперь частью системы, переставала обеспечивать тот приток ценностей, который был необходим для поддержания двойственных экономических и политических связей города и гражданина. Социальная дифференциация необратимо возрастала, что приводило к возникновению огромных хозяйств — элемента, несовместимого со структурой античной формы собственности, предполагавшей эксплуатацию рабов, так как крупное рабовладельческое производство в тех условиях было невозможно. Крупное землевладение могло существовать лишь в сочетании с мелким хозяйством зависимых земледельцев, но в рамках городской структуры предпосылки для его развития не складывались. В ней не могли возникнуть непосредственные, личностные связи землевладельца и колона, так как колон все еще оставался гражданином города. Не мог превратиться в зависимого крестьянина и посаженный на землю раб, так как, хотя связи рабов с центральным правительством и намечались, для города раб, независимый от способов его эксплуатации, в отличие от феодально зависимого земледельца оставался полной собственностью господина, существующей вне всех социальных и правовых институтов. Укрепляющаяся в иных системах община — необходимое условие мелкого сельскохозяйственного производства, важнейший, по словам Ф. Энгельса, фактор восстановления и омоложения зашедшего в тупик античного общества³¹, — в условиях города могла воссоздаваться лишь в очень незначительных масштабах. Тупик этот обуславливался структурой античной собственности, уже несовместимой с дальнейшим развитием, осуществлявшимся в иных, сосуществовавших с нею субсистемах империи, но тормозившимся и там. Напряжение во всей системе вызывалось, между прочим, и разнотипностью связей в ее субсистемах. В античном городе, несмотря на значительную его модификацию в рамках империи, связи оставались двойственными, политическими и экономическими, в

³⁰ См. там же, стр. 151—152.

³¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 154.

других подсистемах они были или недифференцированными (как в свободных общинах), или основанными на поземельной и личной зависимости (как во внегородских имениях с преобладанием труда разных категорий издольщиков, зависимость которых часто выступала в форме отношений клиентеллы и патроната). Только с уничтожением античной формы собственности и базировавшихся на ней городов (что, конечно, не означало уничтожения города как такового, а лишь изменение его основы) открывался путь для свободного развития вышеупомянутых систем. Элементы старой системы долгое время сохранялись те же, что и раньше — землевладельцы разных рангов, колоны, рабы, общинники, — но связи изменялись, становились более однотипными, что делало всю систему более стабильной.

Тут мы подходим к вопросу о том, как можно определить формационную принадлежность общества со многими разнотипными системами. Обычно, чтобы на него ответить, мы пытаемся установить, какая форма эксплуатации была ведущей, что зачастую бывает сделать весьма затруднительно. Для той же поздней Римской империи одни считают определяющим рабство, другие — близкий к крепостничеству колонат, причем аргументы в пользу того и другого мнения, в общем, одинаково весомы. По-видимому, в данном случае единого решения для всего, в высшей степени гетерогенного общества в целом быть не может, поскольку каждая из составлявших его систем имела свою форму собственности и обусловленную ею форму эксплуатации. Ведущей была та из них, под влиянием которой в тот или иной период перестраивались, хотя бы частично, другие системы. Так, пока в империи разложение общин, дробление крупных земельных комплексов и тому подобные процессы имели своим результатом возникновение античного города, античная форма собственности была определяющей. Но она перестала быть таковой, когда структуры других систем не только перестали испытывать ее влияние, но, напротив, начали все более влиять на нее сами, деформируя ее до крайних возможных пределов, что вело к деформации всех сфер жизни общества: государственного строя, характера классовой борьбы, идеологии, культуры. Так эта форма собственности становилась фактором регресса и должна была быть уничтожена.

Мы привели примеры возможного применения структурного анализа для выявления исторических закономерностей и объяснения исторических феноменов. По-видимому, он открывает известные перспективы для более глубокого анализа детерминированности исторических процессов, так как определяет общие следствия всей совокупностью условий, их взаимодействием и направлением развития системы в связи с лимитами ее возможностей. Именно эти условия объясняют, почему некий фактор в одном случае вызывает одно, а в другом иное следствие. Сравнение последних может в конце концов помочь установить закономерности, специфичные для каждого конкретного социального целого, более частные, чем те, которые определяются всем движением социально-экономической формации, и вместе с тем более общие, чем определяемые с помощью традиционных методов.